

**Резюме «круглого стола» «Экспертиза»
«Постсоветское пространство 25 лет спустя:
современное состояние, проблемы, перспективы»**

Постсоветское пространство как политико-географический регион мира:

существует ли оно до сих пор?

Этот вопрос является основополагающим для изучения всей постсоветской проблематики. Он же относится к числу наиболее дискуссионных, что лишний раз нашло подтверждение и в ходе обсуждения на «круглом столе». Как и следовало ожидать, мнения по этому вопросу разделились. Однако разброс высказанных суждений оказался существенно шире, чем простое разделение на тех, кто полагает, что постсоветское пространство в настоящее время существует, и тех, кто категорически отрицает это. Сторонники точки зрения, согласно которой постсоветское пространство все еще является реальностью, оказались в меньшинстве. Защищая свою позицию, они, в частности, приводили такой аргумент, как экономическая взаимозависимость постсоветских государств, например России и стран Центральной Азии, поставляющих в РФ дешевую рабочую силу, а в обмен получающие существенное пополнение государственного бюджета. Правда, слабость этого аргумента состоит в том, что некоторые государства, в том числе и входящие в Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), например, Армения и Киргизия, вообще не имеют между собой практически никаких экономических связей. Другой, более весомый аргумент сторонников существования постсоветского пространства заключался в том, что многие из стран, возникших на территории бывшего СССР, все еще остаются включенными в сферу распространения русского языка и российских СМИ, в них взаимно признаются дипломы об окончании учебных заведений. Еще одно доказательство в пользу этой точки зрения сводилось к тому, что, несмотря на различия политических режимов и экономических систем, постсоветские страны характеризуются близостью политико-экономических основ, стержнем которых выступает неразделимый институт власти-собственности. Именно это обстоятельство выполняет роль фактора притяжения в отношениях между многими постсоветскими странами и их правящими элитами.

Сторонники противоположной позиции отметили, что постсоветское пространство уже распалось на более мелкие регионы: «Запад» или Новую Восточную Европу, включающую Украину, Белоруссию и Молдову; Южный Кавказ, Центральную Азию и особняком стоящую Россию. Причем высказывалось мнение, что дробление этих регионов

на еще более мелкие в ближайшие годы может продолжиться. Отмечалось также, что само понятие постсоветского пространства в настоящее время носит, скорее, психологический и инерционный характер: оно существует в сознании политиков и аналитиков, но не в реальности.

Помимо крайних точек зрения на существование постсоветского пространства высказывались и более многозначные. Так, согласно одной из них постсоветское пространство существует как понятие географическое и культурное, но не существует как политическое. По другой версии, постсоветское пространство представлено отдельными странами, в разной степени зависимыми от России и боящимися порвать с нею. По другому мнению, можно говорить о существовании целостности постсоветского пространства лишь в том смысле, что она обеспечивается переплетением интересов и влияний, главным образом, внешних акторов, как глобальных, так и региональных.

Участники «круглого стола» высказались и по вопросу о характере постсоветского пространства. Здесь превалировало мнение, что это постимперское или постколониальное пространство. Впрочем, эта позиция разделялась не всеми. Согласно другой точке зрения, она некорректна, поскольку Советский Союз не был империей, а входившие в его состав союзные республики не являлись колониями. Иная позиция, высказанная в ходе дискуссии, гласила, что постсоветское пространство – это «пространство хаоса». По сути это было равнозначно оценке его как распадающейся общности.

В ходе обсуждения было также обращено внимание на внутреннюю разнородность постсоветского пространства в плане присутствия на территории бывшего СССР трех различных экономических и технологических укладов: современного («постмодерна»), модерна и традиционного (архаичного). Причем эти уклады нередко присутствуют одновременно не только на территории одной страны, но даже одного города или административного района.

Рассматривая перспективу возможной дальнейшей фрагментации постсоветского пространства, участники «круглого стола» обратили внимание на возможность втягивания отдельных стран в состав иных, в том числе заново формируемых регионов, конструирование которых может произойти по инициативе внешних по отношению к территории бывшего СССР акторов. Речь, в частности, шла о возможном вовлечении Украины, Белоруссии и Молдовы в обсуждаемый ныне в европейских политических кругах проект «Троеморья» для стран Центральной и Восточной Европы. Не исключены новые попытки возродить турецкий проект «Великого Турана» или переформатировать Центральную Азию вокруг китайского проекта Пояса развития Великого Шелкового Пути.

Промежуточные итоги национально-государственного строительства

Оценивая промежуточные итоги национально-государственного строительства в постсоветских странах, участники «круглого стола» были едины в том, что этот процесс далек от завершения. При этом было отмечено, что еще в начале 90-х годов некоторые специалисты высказывали мнение, согласно которому становление новых независимых государств в условиях глубокого экономического спада, смены политического и экономического порядка будет длительным, чрезвычайно сложным и болезненным процессом. Его издержки ощущаются во внутривнутриполитической жизни и внешней политике постсоветских стран и поныне. Некоторые государства иногда оцениваются аналитиками даже как «провалившиеся» (failed states). В 90-е годы это определение часто упоминалось по отношению к Грузии, в настоящее время оно время от времени используется применительно к Киргизии и еще реже – к Молдове.

Главные проблемы национально-государственного строительства в этих странах в настоящее время, прежде всего, сводятся к межэтническим конфликтам и неурегулированности в ряде случаев вопроса о границах. Говоря о межэтнических конфликтах, участники дискуссии выразили общее мнение, что наиболее острым и взрывоопасным среди них является армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Высокая вероятность возобновления широкомасштабных военных действий на этой территории сохраняется. Грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты тоже нельзя считать урегулированными, но в связи с тем, что независимость Абхазии и Южной Осетии признала Россия, вероятность возобновления здесь военных действий была оценена как весьма низкая. Впрочем, некоторые участники «круглого стола» высказали предположение, что если новая администрация США займет жесткую позицию по отношению к бывшим грузинским автономиям и ускорит продвижение Грузии в НАТО, ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии может снова обостриться. Самым «тихим» конфликтом следует считать приднестровский. Ситуация здесь стабильная, Молдова и Приднестровье тесно взаимодействуют экономически. Но в то же время перспективы урегулирования этого конфликта даже не просматриваются. Вряд ли можно предположить, что в условиях, когда Молдова и Украина выбирают европейский вектор развития, Россия откажет в поддержке Приднестровью.

Особое место занимает конфликт на юго-востоке Украины. Это не этнический и не религиозный конфликт. На Украине его считают межгосударственным конфликтом между этой страной и Россией. В России такую точку зрения категорически отвергают, считая, что это внутривнутригосударственный, внутривнутриукраинский конфликт между властью в Киеве и

восточными регионами, интересы которых игнорируются национальным правительством. Хотя при этом на официальном уровне в России признают, что оказывают помощь сепаратистам Донбасса. Перспективы урегулирования конфликта на востоке Украины, несмотря на заинтересованность международного сообщества в этом, тоже пока не просматриваются.

В ходе дискуссии отмечалось, что в связи с незавершенностью процесса национально-государственного строительства нельзя исключать возможности возникновения новых межэтнических конфликтов, в первую очередь в странах Центральной Азии, и в меньшей степени на Южном Кавказе.

Другой проблемой новых независимых государств является неурегулированность вопроса об их границах. Она актуальна опять-таки, прежде всего, для центрально-азиатских государств. Дело в том, что границы между бывшими союзными республиками Средней Азии в советское время были проведены весьма произвольно. На это наслаивается еще и проблема доступа к водным ресурсам. И здесь сильны противоречия между лежащим в основном на равнине Узбекистаном, с одной стороны, и контролирующими истоки великих рек Центральной Азии Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи «горными республиками» - Киргизией и Таджикистаном, с другой стороны. Правда, участники «круглого стола» отметили, что новое руководство Узбекистана уже предприняло ряд энергичных шагов, направленных на улучшение отношений с этими странами.

Еще одной проблемой незавершенного национально-государственного строительства постсоветских стран является огромная эмиграция из них. Особенно значительные масштабы она приняла в таких государствах, как Молдова, Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан. Отток незанятого населения в Россию и страны Европейского Союза (ЕС) позволяет правящим режимам постсоветских государств сохранять в них общественно-политическую стабильность и одновременно за счет трансфертов пополнять государственные бюджеты. Массовое же возвращение мигрантов на родину чревато резким усилением внутривнутриполитической конфликтности.

Ситуация с масштабной миграцией на самом деле отражает наличие серьезной проблемы, характерной для государственности всех постсоветских стран. Она оказалась государственностью не для всех, значительная часть граждан не нашла своего места в жизни при новом порядке, не почувствовала, что государство как организация нуждается в них. Это стало возможным потому, что практически повсеместно властные элиты постсоветских стран рассматривали государство как бизнес-проект, как своего рода «государство-корпорацию», позволяющую контролирующим его группам и кланам с

помощью административного ресурса быстро зарабатывать большие деньги. Отличие нормального государства от государства-корпорации состоит в том, что его главная задача состоит в обеспечении развития страны и в заботе о благосостоянии граждан, а не в зарабатывании денег для узкого слоя привилегированной элиты. Не случайно в ходе дискуссии было отмечено, что у подавляющего большинства постсоветских стран нет стратегий развития. Исключение в этом ряду составляет разве что Казахстан.

Участники «круглого стола» затронули и вопрос о факторах, влиявших на процесс национально-государственного строительства. Так, среди условий успешности называлась обеспеченность страны ресурсами, в первую очередь топливно-сырьевыми. В этом контексте Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан обладали определенными преимуществами перед другими странами.

Влиял, правда, по-разному, на строительство государственности фактор моноэтничности или политэтничности состава населения. Близким к нему является фактор наличия национальных автономий в составе новых независимых государств. С учетом неясности статуса автономий в условиях нового политического и юридического порядка этот фактор нередко становился серьезной проблемой на пути консолидации новой государственности (например, для Грузии, Украины). Для государственного строительства в странах Центральной Азии определенную роль играла принадлежность населения к земледельческой или кочевой культуре. Это отчасти обусловило склонность государств субрегиона либо к авторитарному правлению, либо к более плюралистичной модели власти. Доминирование той или иной конфессии оказало влияние на процесс государственного строительства, прежде всего, в странах с преимущественно мусульманским составом населения (Азербайджан и государства Центральной Азии). Значимым для некоторых стран (Азербайджан, Молдова, Таджикистан) являлся и фактор этнической близости к находящимся за пределами постсоветского пространства соседним государствам, который на разных этапах оказывал разноплановое воздействие на внутривнутриполитическую жизнь этих стран. Наличие русскоязычного населения также по-разному влияло на процесс становления новых независимых государств. В странах, из которых оно активно выдавливалось, как правило, большее влияние получали националистические идеологии. Там же, где предпринимались попытки его интеграции, политическая ситуация была более открытой и плюралистической. Важное значение имел такой фактор, как наличие опыта национальной государственности в прошлом. Странам, у которых такого опыта не было (государства Центральной Азии), было несравненно труднее осуществлять процесс национально-государственного строительства. Наличие конфликта с соседями способствовало развитию авторитарных тенденций в политике

постсоветских стран. Фигуры политических лидеров новых независимых государств также оказывали заметное воздействие на формирование их государственности. При слабости и неустойчивости политических институтов в этих странах, такое воздействие зачастую было очень существенным, а в ряде стран и решающим (Белоруссия, Туркменистан, Узбекистан). И, наконец, участники «круглого стола» упомянули роль такого специфического фактора как комплекса бедности в массовом сознании граждан постсоветских государств, который способствовал росту этатистских тенденций в политике и огосударствлению экономики во многих странах.

Интеграционные проекты, их природа, настоящее и будущее

По мнению участников «круглого стола», интеграционные процессы на постсоветском пространстве нужно рассматривать в контексте двух противоположных тенденций его развития. Первая, центробежная заключается в стремлении новых независимых государств к дальнейшему обособлению, в превалировании у них национальных интересов над любыми попытками строительства наднациональных институтов. Вторая тенденция, центростремительная, базируется на том, что большая часть постсоветских государств нуждается в постоянной внешней поддержке. Одним нужна финансовая помощь, другим – поддержка в сфере безопасности. Россия как страна, стремящаяся играть роль доминирующей силы на постсоветском пространстве, заинтересована в защите своих многочисленных интересов в постсоветских государствах. Эта вторая тенденция и формирует объективную основу, на которой, начиная с 1991 года, и предпринимаются попытки строительства различных интеграционных проектов.

Впрочем, участники «круглого стола» критически оценили эффективность этих проектов, как претендовавших на то, чтобы охватить всю территорию постсоветского пространства, так и субрегиональных, например, затрагивавших только страны Центральной Азии. Мнения разделились лишь по отношению к Содружеству Независимых Государств (СНГ). Помимо широко распространенной точки зрения на эту организацию как совершенно неэффективную, в ходе дискуссии была высказана и иная позиция, согласно которой СНГ выполнило функцию площадки, позволившей относительно плавно перейти от общего законодательства, от общего юридического и экономического пространства к национально-государственному. Содружество принесло определенную пользу, поскольку до сих пор регулирует многие процессы, которые в другом случае стали бы стихийными и мешали нормальному существованию гражданских и экономических институтов. В этом смысле СНГ имеет определенную пользу. Содружество помогло смягчить некоторые кризисные ситуации, в том числе и на

отраслевом уровне. Критики же этой позиции отметили, что, даже, если признать эффективность СНГ как переговорной площадки, надо отметить, что в настоящее время одной такой площадки в пространстве Содружества явно недостаточно для обсуждения многочисленных субрегиональных политических и региональных проблем. Например, в обсуждении важнейшей темы статуса Каспийского моря заинтересованы лишь некоторые страны Содружества. Поэтому в СНГ нужно иметь 5-7 субрегиональных площадок.

Участниками «круглого стола» были высказаны различные мнения о причинах неэффективности интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Так, согласно одной точке зрения, постимперские пространства вообще плохо интегрируются, поскольку бывшие колонии опасаются интегрироваться с бывшей метрополией. Однако, как справедливо отметили критики этой позиции, неэффективными оказались и другие интеграционные проекты, которые создавались без участия бывшей «метрополии» - России (ГУУАМ, Содружество Демократического Выбора). Проблема не в постимперском характере пространства бывшего СССР, а в отсутствии у стран региона общего проекта будущего, без которого интеграция не приносит желаемых результатов. Именно такой проект имеется у государств Европейского Союза. Постсоветские же страны, в которых, как уже отмечалось выше, процесс национально-государственного строительства еще не завершен, в большей степени ориентированы на решение конъюнктурных задач, нередко отражающих лишь текущие групповые интересы правящих элит. Именно в силу этого обстоятельства для постсоветских государств приоритетными являются не интеграционные процессы, а развитие двухсторонних отношений с наиболее значимыми партнерами.

В ходе дискуссии было высказано также мнение, что, как показывает международный опыт, успешными являются интеграционные проекты, в которых участвуют демократические страны. На постсоветском же пространстве в основном находятся государства с авторитарными режимами, которые по определению настороженно относятся к любым наднациональным институтам, видя в них потенциальных ограничителей своей власти. Именно поэтому в постсоветских странах не складывается и не может сложиться «интеграционная» элита, которая стала бы драйвером в строительстве различных международных союзов и ассоциаций. И если в структурах ЕС вектор развития определяет именно наднациональная элита, то в институтах Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) работающие там чиновники представляют и лоббируют, прежде всего, интересы своих стран.

На фоне доминирования интересов национальных государств на постсоветском пространстве была отмечена роль такого фактора, как бизнес-интересы властных элит

постсоветских стран. Как уже отмечалось выше, во многих новых независимых государствах закрепились тенденции, когда правящие элиты склонны использовать власть в эффективный способ ведения собственного бизнеса. Совместное зарабатывание денег позволяет этим элитам поддерживать друг с другом устойчивые деловые связи даже в ситуациях, когда межгосударственные отношения являются напряженными. Этот фактор ни в коем случае не работает в пользу интеграции, но, как минимум, тормозит распад постсоветского пространства.

В ходе обсуждения участники «круглого стола» уделили внимание и экономическим причинам низкой эффективности интеграции. Отмечалось, что входящие в ЕАЭС страны имеют однотипные экономики и им зачастую нечего предложить друг другу для торговли. А у России товарооборот с государствами ЕС существенно превышает товарооборот со странами ЕАЭС. Препятствует интеграции и низкая плотность транспортных артерий, связывающих постсоветские государства. Так между Россией и странами Южного Кавказа в настоящее время действуют только две шоссейные дороги и одна железная. Это существенно меньше, чем было не только в СССР, но и в дореволюционной России.

Различные оценки были даны участниками «круглого стола» роли и месту России в интеграционных процессах. Так, одна из предложенных трактовок этой роли заключалась в том, что у России не хватает ресурсов для того, чтобы интегрировать постсоветское пространство. По другой версии, Россия на самом деле и не ставит перед собой такой задачи. Ее цели скромнее: обеспечить защиту своих многочисленных интересов в постсоветских государствах. Причем со временем осуществлять это становится все труднее. Экономические интересы России постепенно выдавливаются Китаем из Центральной Азии. В результате конфликта на востоке Украины практически перестали существовать интересы мелкого российского бизнеса в этой стране. В данном контексте интеграционные проекты являются лишь инструментом реализации цели по защите российских интересов. Но была высказана и противоположная точка зрения на роль России. Поскольку доля РФ в коллективном ВВП ЕАЭС составляет 85%, такой интеграционный проект не может быть дееспособным. Опыт того же ЕС показывает, что эффективными могут быть только те интеграционные объединения, где интересы различных стран сбалансированы. Возможно, как полагают некоторые российские экономисты, именно поэтому для успешного развития ЕАЭС так важно было участие в нем Украины в качестве участника, потенциально способного быть балансиром влияния России. Но как только балансы сил нарушаются и ситуация сдвигается в сторону моноцентризма, в интеграционном объединении начинают усиливаться центробежные

тенденции. Так, важнейшим фактором, обусловившим выход Великобритании из Евросоюза, стало резкое усиление роли Германии в объединенной Европе, которое способствовало активизации антиевропейских настроений и в других странах ЕС.

По-видимому, доминирующая роль России в условиях настороженности в отношении ее политики, которая господствует в других постсоветских государствах, в определенном смысле является сдерживающим фактором в развитии интеграции и в сфере совместной обороны – Организации Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ). Интересы России многообразны и представлены в различных частях постсоветского пространства. В то же время другие члены ОДКБ заинтересованы в опоре на Россию как провайдера собственной безопасности, но их интересы в области национальной обороны и безопасности не выходят далеко за пределы границ этих стран. Поэтому ОДКБ как организация коллективного действия оказывается весьма неэффективной, не способной совместными усилиями защитить кого-либо из своих участников. Обострение конфликта в нагорном Карабахе в апреле 2016 года это отчетливо показало. Некоторые страны, входящие в ОДКБ, не стали поддерживать своего союзника – Армению, а подтвердили признание территориальной целостности Азербайджана.

Еще одной причиной низкой эффективности интеграционных проектов на постсоветском пространстве участники дискуссии назвали геополитическое соперничество за влияние в этом регионе мира между несколькими глобальными акторами – Россией, США, Евросоюзом и Китаем. В разных частях пространства это влияние сказывается по-разному, но в конечном итоге, оно сдерживает интеграцию и ведет к дальнейшей фрагментации постсоветского пространства. Вероятно, что в будущем некоторые страны будут втягиваться в орбиту влияния других союзов и держав. Что касается постсоветских государств, расположенных в западной, европейской части пространства, то перспективы их интеграции в «Большую Европу» участниками дискуссии оценивались не высоко. Гораздо выше шансы Центрально-азиатских государств оказаться в поле притяжения китайского проекта Экономического Пояса Великого Шелкового Пути.

В то же время на «круглом столе» отмечалось, что в рассуждениях о будущем интеграционных проектов на постсоветском пространстве не стоит представлять регионы в категориях прошлых эпох как замкнутые структуры, эксклюзивные зоны влияния в которых доминируют один или два актора-гегемона. В современном мире политико-географические регионы мира все чаще выступают в качестве более гибких, открытых, «мерцающих» и, главное, взаимопроникающих и взаимозависимых образований без четких границ, когда та или иная страна может входить в состав сразу нескольких

регионов. В последние 15-20 лет появилась даже специальная концепция region building, описывающая эти процессы. И в данном контексте нельзя исключить, что в будущем отдельные постсоветские государства могут войти в состав различных интеграционных проектов, в том числе и тех, центры которых находятся за пределами территории бывшего Советского Союза.

Дефицит развития

Оценивая итоги внутривнутриполитических трансформаций постсоветских стран, участники «круглого стола» отметили, что ни одной из них не удалось осуществить полномасштабную социальную, политическую, технологическую модернизацию и превратиться в современное общество. При этом прошедшие четверть века опровергли широко распространенное в 90-х годах мнение о том, что успешная демократизация будто бы тождественна модернизации. Новейшая история постсоветских стран показала, что связь между этими двумя процессами не линейная, а гораздо более сложная. Так, Молдова, наиболее успешно продвинувшаяся по пути демократизации, в то же время относится к числу наименее развитых в социально-экономическом отношении стран Европы, около 20% населения которой – трудовые мигранты. Напротив, имеющий авторитарную форму правления Казахстан, как уже отмечалось выше, достиг успехов на некоторых направлениях модернизации (формирование новой управленческой элиты, системы образования и здравоохранения).

Главная причина неудач демократизации и социально-экономической модернизации постсоветских стран, по мнению участников дискуссии, состояла в том, что к концу 90-х годов у власти в этих государствах закрепились новые элиты, которые, взяв под контроль и власть, и собственность, оказались не заинтересованными в продолжении преобразований. На эту особенность развития постсоветских обществ впервые обратил внимание американский исследователь Дж.Хеллман еще в 1997 году, написавший статью с характерным названием «Winners take all». Установив такую форму господства, элиты постсоветских стран способствовали восстановлению неразделенного института власти-собственности, характерного для прежней советской системы. Существование этого института блокировало одновременно и демократические преобразования, и социально-экономические реформы. В экономике оно вело к формированию рентного капитализма, логика развития которого направлена не на производство добавленных стоимостей, а определяется борьбой различных элитных групп за установление контроля над источниками ренты. При этом для экономических порядков постсоветских стран, основанных на институте власти-собственности, оказался совершенно не важным вопрос

о форме собственности. Средоточие власти и собственности в руках узких, а в некоторых странах и не сменяемых групп элиты (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) было характерно как для государств, где прошла масштабная приватизация, так и для тех, где собственность по преимуществу оставалась в руках правительства. В политике же господство института власти-собственности в постсоветских государствах способствовало доминированию в них авторитарных тенденций. Причем в странах с преимущественно государственной формой собственности новым правящим классом стала верхушка постсоветской государственной бюрократии. В государствах же, где прошла приватизация, и экономика стала частной, этот слой в тех или иных пропорциях делил власть с крупнейшим капиталом («олигархами»).

Однако, несмотря на это, некоторым из них все же удалось продвинуться по пути демократических преобразований. Имелись в виду такие страны, как Молдова, которую сегодня по всем основаниям, можно считать электоральной демократией, Грузия, Украина и Киргизия. Участники дискуссии проанализировали факторы, способствовавшие ослаблению авторитаризма и развитию демократических тенденций во внутривнутриполитической жизни постсоветских стран. Среди них назывались региональное разнообразие и наличие определенного равновесия в соотношении сил между ведущими группами элиты. Это повышает в их глазах значимость состязательных процедур в политике и национального парламента как одного из центров принятия решений, заставляет обращаться за поддержкой к широким слоям населения, что расширяет сферу публичной политики. Данный фактор отчетливо прослеживался в политической жизни Украины и Киргизии. Для успешного демократического прогресса большое значение имела политическая дискредитация прежней партийно-хозяйственной номенклатуры, которая выступала в роли драйвера авторитарных тенденций и была главной заинтересованной стороной в восстановлении института власти-собственности. Ослабление влияния номенклатуры в наибольшей степени оказало благоприятное влияние на демократические процессы в Грузии, в меньшей мере в Киргизии и Молдове. Фактор существования нескольких конкурирующих политических идентичностей также способствовал развитию политического плюрализма в некоторых постсоветских странах. В первую очередь это было характерно для Молдовы, и в меньшей степени для Украины.

В то же время участники «круглого стола» отметили, что ни в одной из этих стран демократический прогресс, затронувший такие институты как выборы, СМИ, многопартийность, хотя и обусловил регулярную сменяемость власти, не привел к созданию независимого правосудия, к обеспечению социальных и гражданских прав

населения, к построению «демократии участия». Население стран этой группы в массе своей по-прежнему остается бедным и бесправным. Не случайно американский политолог Т.Карозерс назвал такую политическую форму «бесплодным плюрализмом» («feckless pluralism”).

Главной проблемой внутренней политики постсоветских стран участники «круглого стола» назвали отсутствие в них социальных и политических сил, которые были бы заинтересованы в продолжении рыночных реформ и осуществлении глубокой социально-экономической, политической и технологической модернизации этих государств. Иначе эту проблему можно обозначить как дефицит развития, хотя в ходе дискуссии и было отмечено, что понятия «модернизация» и «развитие» не тождественны. Новые элиты заинтересованы лишь в сохранении status quo, а в поведении масс населения отсутствует стремление к социальным изменениям. Впрочем, понятие «дефицита развития» применительно к состоянию постсоветских государств, по мнению некоторых участников дискуссии, является слишком мягким и потому неточным. На самом деле для большинства постсоветских обществ характерна не стагнация, которую иначе можно описать как отсутствие развития, а их продолжающаяся деградация и архаизация. Это включает примитивизацию структуры экономики, падение качества человеческого капитала в виду упадка системы образования и массового отъезда лучших специалистов за рубеж, усиливающееся технологическое отставание от развитых государств, затруднение доступа значительной части населения к современному здравоохранению и образованию. В отдельных странах к этим явлениям присоединяется еще и демографический кризис.

В отношении перспектив выхода постсоветских государств из кризиса развития мнения участников «круглого стола» разделились. Близость позиций просматривалась лишь в скептическом отношении к вероятности того, что импульс к модернизации будет задан из внешнего по отношению к постсоветскому пространству мира. Высказывалось, в частности, мнение, что в ближайшие годы вряд ли придется ожидать появления в постсоветских странах социальных и политических акторов, заинтересованных в модернизации этих государств. Однако эта точка зрения была поддержана далеко не всеми участниками. Так, по другой версии, нельзя исключить, что внутри нынешних правящих элит тех или иных стран может возникнуть запрос на модернизацию, понимание необходимости ее осуществления (ведь создали же в Казахстане современную и конкурентоспособную систему здравоохранения, ориентируясь на Сингапур!). Если к этому стремлению добавится еще и наличие ресурсов, то тогда появится реальная возможность для преодоления кризиса развития и осуществления модернизации. Труднее,

конечно, будет малым странам, не имеющим значительных природных и иных ресурсов. Их надежды на модернизацию могут быть исключительно связаны с вхождением в состав интеграционных объединений, ориентированных на развитие своих участников с учетом глобализации. Высказывалось также мнение, что драйвером модернизации могут стать современные секторы экономики, сосредоточенные в основном в городах-мегаполисах и других крупных городах. Впрочем, это точка зрения была подвержена критике со стороны специалистов, изучающих государства Южного Кавказа и Центральной Азии. По их мнению, за годы постсоветского развития социальный состав населения городов в этих странах существенно изменился за счет массового притока сельских жителей. Напротив, многие образованные и предприимчивые горожане покинули места своего традиционного проживания и переехали в сельскую местность. Такие «обновленные» города вряд ли смогут сформировать запрос на модернизацию. В этом контексте на «круглом столе» был затронут и вопрос об отношении традиционных социальных и экономических структур к перспективам модернизации. Вопреки широко распространенному мнению, представленному также и на «круглом столе», о том, что эти структуры препятствуют осуществлению модернизации, в ходе дискуссии была предложена и иная точка зрения. Согласно этому взгляду, в некоторых районах постсоветского пространства, включая и Российскую Федерацию, существуют территории, где государственные институты практически не работают, а традиционные структуры выступают в роли самоорганизующихся сообществ, устанавливающих правила игры. Такого рода структуры более чутко реагируют на внешние вызовы и пытаются адаптироваться к меняющимся условиям. Поэтому есть основания предполагать, что в определенной ситуации, они, по крайней мере, на микро-уровне могут стать драйверами модернизации.

Вместо заключения

В целом «круглый стол» продемонстрировал, что процессы, протекающие на постсоветском пространстве, представляют собой широкое поле для исследования. Многие проблемы являются слабо проработанными методологически, например о критериях определения постсоветского пространства как политико-географического региона мира, о взаимоотношении процессов демократизации и модернизации. В то же время участники констатировали, что анализировать постсоветское пространство нужно в единстве двух противоположных тенденций: его постепенного распада, «разбегания», вызванного намерением правящих элит расположенных там стран к усилению своего суверенитета; и сохранения целостности, обусловленного боязнью элит за перспективы

собственного выживания в условиях ограниченности национальных ресурсов. Национальные государства, несмотря на многочисленные изъяны в процессе их развития, на постсоветском пространстве в целом состоялись, хотя их строительство еще далеко от завершения. Что же касается интеграционных проектов, то пока они не принесли желаемых результатов. По мнению участников «круглого стола», интеграция в регионе только тогда будет иметь перспективу, когда она станет способствовать развитию этих стран, а внутри них появятся силы, заинтересованные в модернизации посредством объединения усилий как на уровне межгосударственного сотрудничества, так и на уровне кооперации между частными компаниями и предприятиями.

Андрей Рябов